

ТАТЬЯНА ВЕНДИНА
Институт Славяноведения
Российская академия наук
Ленинский Проспект 32-А
Москва 119334
tel. 8 910 433 73 98
e-mail: vendit@rambler.ru

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Общеславянский лингвистический атлас, славянские диалекты, лингвогеография.*

SŁOWA KLUCZOWE: *Ogólnosłowiański atlas językowy, dialekty słowiańskie, geografia językowa.*

KEYWORDS: *Slavic Linguistic Atlas, Slavic dialects, linguistic geography.*

SLAVIC LINGUISTIC ATLAS AND CULTURAL GEOGRAPHY

ABSTRACT: The paper deals with the *Slavic Linguistic Atlas* whose materials help in broadening the research frames and moving towards a cultural and linguistic dialectology in order to reconstruct the Slavic „living antiquities”. The Atlas materials prove that speakers of Slavic dialects preserve vast resources of the old Slavic spiritual culture which remains hardly recognized in the humanities.

Посвящается проф. Янушу Сятковскому,

Обращение к теме *Общеславянского лингвистического атласа* в сборнике, посвященном юбилею проф. Я. Сятковского, является скромной данью глубокого уважения к этому труженику науки, чья разносторонняя научная деятельность во многом способствовала реализации этого проекта

Общеславянский лингвистический атлас является грандиозным лингво-географическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает. В нем обобщен опыт славянской и европейской лингвистической географии и впервые дана территориальная стратификация многих праславянских языковых явлений.

Несмотря на свою незавершенность, Атлас позволил читателю прикоснуться к «живому» праславянскому слову, и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание» времени. Более того, благодаря Атласу компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию, имеющую своей целью реконструировать «живую старину».

Не могу в связи с этим не привести слова акад. Н.И. Толстого, который писал: «Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как **культурологическая география**» (Толстой 1995: 15). И хотя славистика пока не может отметить серьезных достижений в этой области знания, однако, благодаря *Общеславянскому лингвистическому атласу* она может реконструировать «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта».

В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную – рассмотреть тот или иной славянский диалект и как единицу лингвистическую, и как единицу этнографическую и культурологическую.

Прежде всего следует отметить, что материалы Атласа являются наглядной иллюстрацией двух культурологических потоков в истории славян, приведших к цивилизационному и культурному разделению terra Slavia, поскольку западные славяне, словенцы и хорваты испытали серьезное влияние западноевропейской и средневропейской культуры, тогда как восточные славяне, сербы, македонцы и болгары – греко-восточной. Это наглядно демонстрируют сводные карты заимствований, представленные в опубликованных томах Атласа (см., например, т. 4 *Сельское хозяйство*, т. 6 *Домашнее хозяйство и приготовление пищи*, т. 8 *Профессии и общественная жизнь*, т. 9 *Человек*, т. 10 *Народные обычаи*). На этих картах отчетливо видно, что именно в западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских наблюдается высокая концентрация заимствований **из латинского языка** (см., например, **плс.** (*kolacij*)-а от лат. *collatio* к. 62 'ужин, вечерняя еда' ОЛА 6);

плс., блр. (*kolęd*)-у из лат. *calendae* ‘календы, первый день месяца’ к. 48 ‘рождество’ (ОЛА 10); **плс.** (*škola*)-ьн-Ъ от лат. *schola*; **чеш.** (*kantor*)-ъ из лат. *cantor* к. 31 ‘человек, который учит в школе’ (ОЛА 8); **чеш.** (*funus*)-ъ из лат. *fünus* ‘похороны’ к. 43 ‘похороны, погребение умершего’ (ОЛА 10); **слн., хрв.** (*stern*)-а из лат. *cisterna* к. 1 ‘колодец’ (ОЛА 6); **слн., хрв.** (*kup*)-ic-а от нар. лат. *cuppa* к. 6 ‘стакан’ (ОЛА 6); **слн.** (*kogumar*)-ъ, (*kumar*)-а из/от лат. *cisumer* к. 16 ‘огурец’ (ОЛА 4) и т.д.

Тогда как **заимствования из греческого языка** широко распространены в южнославянских (причем преимущественно в болгарских и македонских) и восточнославянских диалектах (см., например, **вост.-сл.** (*pasX*)-а из ср.-греч. *πάσχα* ‘Пасха, иудейский праздник в честь выхода из египетского рабства’ < др.-евр. *pēsah* ‘то же’ к. 49 ‘пасха’ (ОЛА 10); **серб., мак., блг.** (*tOpan*)-ъ, (*tOpan*)-j-ъ из греч. *τύμπανον, τοῦμπανον* ‘тимпан’ к. 23 ‘барабан’ (ОЛА 10); **мак., блг.** (*kivur*)-ъ от греч. *κιβώρι(ον)* ‘деревянный ящик’ к. 44 ‘гроб, в котором хоронят покойника’ (ОЛА 10); **блг.** (*kaljman*)-ъk-а от греч. *καλή μάν(ν)α* к. 9 ‘ласка’ (ОЛА 1); **блг.** (*micin*)-а из греч. *μουτσοῦνα*; **мак.** (*mic*)-ъk-а от греч. *μουτσουνα* к. 49 ‘рыло’ (ОЛА 2); **блг.** (*valt*)-а из греч. *βάλτη, βάλτον* к. 53 ‘пастбище’ (ОЛА 2); **блг.** (*geran*)-ъ из греч. *γερανός* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (ОЛА 6); **блг.** (*majers*)-а, (*mager*)-ъk-а от/из греч. *μάγερας, μαγείρισσα* к. 22 ‘женщина, которая готовит еду’ (ОЛА 8); **рус.** (*ogur*)-ъс-ъ от ср.-греч. *ἀγουρος* к. 16 ‘огурец’ (ОЛА 4) и т.д.).

Атлас содержит уникальный материал, свидетельствующий о **контактах славянских языков с языками неславянских народов**, причем с очень разными по уровню своего развития культурами: с германцами, балтийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, романцами и др. Иллюстрацией сложных культурно-исторических процессов является картина, отраженная на картах, представляющих распространение заимствований в славянских языках (см., например, **сводные карты заимствований** в ОЛА 6, 8, 9, 10, посвященные заимствованиям из тюркских, романских, германских, а также из албанского и венгерского языков). На картах Атласа отчетливо видно, что география этих заимствований, а также их объем разный: наиболее частотными и широко распространенными являются заимствования из немецкого языка (они покрывают практически всю территорию Славии за исключением болгарских и македонских диалектов), за ними следуют заимствования из тюркских языков, характерные в основном для восточно- и южнославянских диалектов, далее идут заимствования из итальянского языка (они распространены в основном в словенских диалектах в Италии и в хорватских на побережье Адриатического моря), из венгерского (они отмечены главным образом в словацких диалектах, а также в юго-западных

украинских и частично на юго-востоке чешских), из румынского языка (в юго-восточном ареале южнославянских языков, а также в юго-восточных словацких и украинских закарпатских говорах), наконец, самая немногочисленная группа заимствований из албанского языка (они свойственны в основном македонским диалектам).

Показательным примером культурно-языкового влияния, отразившегося на образовании эксклюзивов в славянских диалектах, является названия денег. На к. 49 'деньги' (ОЛА 8) практически отсутствуют славянские лексемы. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *nov-ъs-i* (первая фиксация в 1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novobradski pjenez*, где был когда-то монетный двор (Skok ERHJ II 526). В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (*denъg*)-у (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв. Шапошников 1: 217), в украинских и белорусских диалектах – лексема (*groš*)-i, восходящая к лат. *grossus*; в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских – лексема (*рѣнѣз*)-е, (*рѣнѣз*)-i германского происхождения (герм. *pfenning*); в сербских, македонских и болгарских диалектах – лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *parā*); в словенских диалектах – лексема (*dbnar*)-bj-е, имеющая латинские корни (лат. *dēnārius*), наконец, в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-i, (*šold*)-i, которая восходит к итальянскому *soldo*.

Таким образом, материалы Атласа могут быть «лопатой для историка» при выяснении культурных влияний и этнических контактов.

Следует отметить, что культурно-языковое влияние неславянских языков часто вело к образованию эксклюзивных лексем в славянских диалектах. Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов нередко приводило к образованию эксклюзивной лексемы. Причем здесь также прослеживается своеобразие в организации культурного ландшафта Славии. В западнославянских и словенских диалектах особенно сильным является влияние немецкого языка, а в южнославянских – турецкого. Так, в частности, именно **немецкому влиянию** обязано существование многочисленных эксклюзивов в лужицких, словенских, словацких, чешских и польских диалектах, ср., например, следующие эксклюзивные лексемы:

в лужицких диалектах

(*šar*)-en-bj-е к. 11 'чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц' (ОЛА 4) от ср.-в.-нем. *schörn*; (*kal*)-ъ к. 13 'капуста' (ОЛА 4) из нем. *Kohl*;

(*trajd*)-а к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' (ОЛА 4) из нем. *Getreide*; (*šar*)-it-ь к. 12 'пугает, внушает страх' (ОЛА 4) от ср.-в.-нем. *schörn* и т.д.

в словенских диалектах

(*pies*)-а к. 14 'свекла' (ОЛА 4) из др.-в.-нем. *bieza*; (*pungart*)-ъ к. 1 'сад' (ОЛА 4) из ср.-в.-нем. *bûngarte*; (*murk*)-а к. 16 'огурец' (ОЛА 4) из австр. диал. *murke*; (*dil*)-j-а к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' (ОЛА 4) из нем. *Diele*; (*malc*)-а к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (ОЛА 6) из нем. *Mahlzeit*; (*žnid*)-ar-ь к. 16 'человек, который шьет одежду' (ОЛА 8) от ср.-в.-нем. *snider* (нем. *Schneider*) и т.д.;

в чешских диалектах

(*brambor*)-а, (*brambor*)-ъ к. 85 'картофель' (ОЛА 4) из нем. *Brandenburg*; (*plex*)-ъ к. 32 'часть плуга, которая откладывает землю на бок' (ОЛА 4) из нем. *Blech*; (*fen*)-а к. 15 'сука' (ОЛА 2) из нем. *fenn* < лат. *femina*; (*pampel*)-uš-ьk-а к. 51 'одуванчик' (ОЛА 3) от нем. *Pampelblume* и т.д.;

в словацких диалектах

(*krumpl*)-j-а к. 85 'картофель' (ОЛА 4) от нем. *Grundbirne*; (*olovrant*)-ъ к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' (ОЛА 6) из нем. *Halberabend*; (*rat*)-a-j-e-ть к. 50 'считает деньги' (ОЛА 8) от нем. *Rate* и т.д.;

в польских диалектах

(*kater*)-ъ к. 10 'кот' (ОЛА 2) из нем. *Kater*; (*draš*)-u-j-e-ть к. 73 'молотит цепом' (ОЛА 4) от нем. *dreschen*; (*pyr*)-ъk-а к. 85 'картофель' (ОЛА 4) от нем. *Birne*; (*šand*)-у, (*peđ*)-у к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» из нем. диал. *schande*; из нем. диал. *pette*; (*jaχt*)-а к. 57 'охота на диких зверей, птиц' (ОЛА 8) из нем. диал. *jaχt* и т.д.;

В других славянских диалектах это немецкое влияние при образовании эксклюзивов выражено значительно слабее. Причем интересно, что оно наблюдается в основном в названии картофеля, ср.:

в сербских диалектах

(*krtol*)-а к. 85 'картофель' (ОЛА 4) из/от нем. *Kartoffel*;

в болгарских диалектах

(*kartof*)-ь к. 85 'картофель' (ОЛА 4) из/от нем. *Kartoffel*; (*maur*)-ъ к. 6 'человек, который строит каменные дома' (ОЛА 8) из нем. *Maurer*, диал. *Maure*; (*plajvaz*)-ъ к. 36 'карандаш' (ОЛА 8) из нем. *Bleiweiss*, бав. австр. *bliwiz*;

в украинских диалектах

(*barabol*)-j-а к. 85 'картофель' (ОЛА 4) от чеш. *brambor* < нем. *Brandenburg*.

В южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских) к образованию эксклюзивов нередко вело итальянское культурно-языковое влияние, однако в языке оно выражено слабее немецкого, ср.:

в словенских диалектах

(*kaštron*)-ъ к. 5 'кастрированный баран' (ОЛА 2) из ит. *castrone*; (*štrigel*)-j-ъ к. 52 'скребница' (ОЛА 2) от ит. *striglia*; (*čebul*)-ъ, (*čebul*)-j-a к. 19 'лук' (ОЛА 4) из ит. *cipolla*; (*brajd*)-a к. 8 'виноград' (ОЛА 4) из фриул. *braide* и т.д.;

в хорватских диалектах

(*žmul*)-ъ к. 6 'стакан' (ОЛА 6) из далмат.-ром. *muzul*; (*meštar*)-ъ к. 31 'человек, который учит в школе' (ОЛА 8) из ит. *maestro* и т.д.;

в македонских диалектах

(*biš*)-ѣ, (*biš*)-ur-ѣ к. 31 'поросенок' (ОЛА 2) из ит. *biscia* через посредство алб. *bishë*.

Кроме итальянского, можно отметить **румынское влияние**, причем оно характерно в основном для **болгарских диалектов**. Особенно ярко оно выражено в болгарских говорах в Банате, ср.:

(*markul*)-ъ к. 5 'медведь' (о.н.) (ОЛА 1) из рум. диал. *mârcul*; (*patkal*)-ъ к. 13 'крыса' (ОЛА 1) из рум. диал. *potcan*; (*pitpōlak*)-ъ к. 22 'перепелка' (ОЛА 1) из рум. *pitpalaca*, *pipalac*; (*rъcoj*)-ъ к. 13 'самец утки' (ОЛА 2) из рум. *rățoi*; (*marv*)-a к. 24 'скот' (ОЛА 2) из рум. диал. *marvā* (< *marfă*, диал. *marhā* < венг. *márha*); (*bot*)-ъ к. 49 'рыло' (ОЛА 2) из рум. *bot*; (*tъršal*)-a к. 9 'куст' (ОЛА 3) из рум. диал. *târșală*; (*tuf*)-a к. 10 'густые заросли в лесу' (ОЛА 3) из рум. *tufă*; (*brad*)-ъ к. 17 'сосна' (ОЛА 3) из рум. *brad*; (*kavtor*)-(ъ*ži*)-j-a к. 7 'человек, который делает печи' (ОЛА 8) от рум. *coptor*, *ciptor* и т.д.

Из других культурно-языковых традиций, оставивших заметный след в эксклюзивных лексемах, можно выделить турецкое, албанское и венгерское влияние.

Турецкое влияние оказалось самым сильным в болгарских диалектах, здесь больше всего отмечено эксклюзивов, имеющих в своей основе турцизмы, причем основной очаг их локализации находится в **юго-восточных болгарских говорах** (особенно в пп. 140–142, 852–853) ср.:

(*geljunžuk*)-ъ к. 9 'ласка' (ОЛА 1) из тур. *gelincik*; (*bursuk*)-ъ к. 10 'еж' (ОЛА 1) из тур. *porsuk*; (*gag*)-a к. 18 'клюв птицы' (ОЛА 1) из тур. *gaga*; (*bug*)-a к. 3 'бык' (ОЛА 2) из тур. *boğa*; (*burm*)-a к. 5 'кастрированный баран' (ОЛА 2) из тур. диал. *burma*; (*tik*)-e к. 6 'козел' (ОЛА 2) из тур. *teke*; (*jurdek*)-ъ к. 13 'самец утки' (ОЛА 2) из тур. *ördek*; (*dal*)-ъ, (*daj*)-a к. 4 'ветвь хвойного дерева' (ОЛА 3) из тур. *dal*; (*filiz*)-ъ, (*fъškъn*)-ъ к. 9 'куст' (ОЛА 3) из тур. *filiz*; *fışkın*; (*ğurluk*)-ъ к. 10 'густые заросли в лесу' (ОЛА 3) из тур. *gürlük*; (*bair*)-ъ, (*burun*)-ъ к. 11 'лес' (ОЛА 3) из тур. *bayır*; *burun*; (*meš*)-ѣ к. 26 'дуб' (ОЛА 3) из тур. *meşe*; (*saxat*)-ъč-ѣ к. 51 'одуванчик' (ОЛА 3) от тур. *saat*, *sahat*; (*keleml*)-e к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' (ОЛА 4) из турец. диал. *keleme*; (*vrakčij*)-ъ, (*vrakčij*)-a к. 68 'мужчина, который жнет серпом' (ОЛА 4) из тур. *orakçı*; (*sap*)-ъ к. 84 'палка грабель' (ОЛА 4) из/от тур. *sap*; (*ikindi*)-j-a к. 61 'еда между обедом

и ужином, полдник' (ОЛА 6) от тур. *ikindi*; (*dulger*)-*in-ъ* к. 6 'человек, который строит каменные дома' (ОЛА 8) от тур. *dülger*; (*kumbe*)-(ži)-*j-a* к. 7 'человек который делает печи' (ОЛА 8) от/из тур. диал. *kümbe* и т.д.

В других южнославянских диалектах это влияние выражено довольно слабо, так как эксклюзивы турецкого происхождения в них встречаются редко, ср. единичные примеры:

в хорватских диалектах

(*bělež*)-*ъn-ic-a* к. 35 'тетрадь' (ОЛА 8) от тур. *beleg*;

в македонских диалектах

(*tekn*)-*e* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' (ОЛА 6) из тур. *tekne*; (*komš*)-*iv-ъk-a* к. 3 'женщина, живущая в соседнем доме' (ОЛА 8) от тур. *komşu*, *komşi*; (*xaram*)-*i-j-a* к. 55 'человек, который крадет' (ОЛА 8) от тур. *harami*.

Албанское влияние отмечено в единичных эксклюзивах сербских диалектов, ср.:

(*kolomboč*)-*ъ* к. 54 'кукуруза' (ОЛА 4) из алб. *kollomoqi*.

Венгерское влияние обнаруживается в эксклюзивных образованиях чаще всего в **украинских, чешских и словацких диалектах**, ср.:

в украинских диалектах

(*xoroš*)-*a-j-e-ть* к. 59 'кастрирует' (ОЛА 2) от венг. *heresz*; (*kert*)-*ъ* к. 10 'огороженное место, где растут овощи' (ОЛА 4) из венг. *kert*;

в словацких диалектах

(*pohar*)-*ik-ъ* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» от венг. *pohár*; (*ceruz*)-*a*, (*ceruz*)-*ъk-a* к. 36 'карандаш' (ОЛА 8) из/от венг. *ceruza* < лат. *cerusa*; (*valal*)-*ъ* к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' (ОЛА 8) из венг. *valál*.

О цивилизационном и культурном разделении славянских языков свидетельствуют и семантические карты Атласа, на которых отчетливо видно, как одна и та же праславянская лексема в разных культурах развивала в процессе эволюции разные смыслы. Так, например, лексема **čaša* (к. 7 ОЛА 6), распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении 'стакан' (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении 'миска' // 'большая миска, выточенная из дерева', а в словенских приморских говорах – в значении 'большой ковш'.

Общеславянская лексема **séra* (к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' ОЛА 6) во всех славянских диалектах имеет значение 'молоко коровы сразу после отела скота, молозиво', однако в русских диалектах (в севернорусских и среднерусских владимирско-поволжских и тверских говорах) она, кроме того, может иметь значение 'смола (сок) хвойных деревьев',

в болгарских западных, северо-восточных и некоторых юго-восточных говорах – ‘нестиранная овечья шерсть с жировыми выделениями’, а в отдельных северо- и юго-восточных говорах – ‘вода после стирки овечьей шерсти’, в сербских восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах – ‘жировые выделения на шерсти овцы’ и т.д.

Яркое культурологическое разделение диалектного ландшафта Славии демонстрирует лексема *grobъ* (к. 58 **grobъ* ОЛА 10), которая в западно- и южнославянских диалектах, а также в юго-западных украинских имеет значение ‘яма, могила, в которой хоронят покойника’, а в восточнославянских – ‘гроб, в котором хоронят покойника’.

Однако ярче всего дифференциацию культурного ландшафта Славии иллюстрируют так называемые мотивационные карты, поскольку любая «культура живет и развивается в языковой оболочке, влияя на ее характер и состояние» (Кармин 1997: 86). Эти карты позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка, поэтому облеченная в языковую оболочку каждая культура говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку».

Так, например, в томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию ‘первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки’. На этой карте наряду с пространственным и процессуальным мотивационным признаком (ср. *kraj-ъс-ъ*, *kraj-ъщ-е*, *kraj-išč-e*, *kraj-ък-а*, *kraj-ik-ъ*, *kraj-ik-а*, *kraj-ъщ-ik-ъ* или *kroj-ъ*, *съ-kroj-ък-ъ*; *pri-lěp-ък-а*, *съ-lěp-ък-ъ*; *qob-ъ*, *qob-ъщ-е*; *na-čēt-ък-ъ*, *na-čin-ък-ъ*, *ob-ber-ък-а*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *gъrb-их-а*, *gъrb-uš-а*, *gъrb-uš-ък-а*, *gъrb-uš-ък-ъ*, *gъrb-ък-ъ* и др., распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах; или лексемы *pēt-ък-а*, *pēt-ič-ък-а* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских и чешских диалектов; лексема *lъb-ък-ъ*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ък-ъ*, *jan-ък-о* и др., встречающиеся в словацких и в некоторых чешских диалектах). Все эти названия говорят о том, что хлеб в языке этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа – ‘подходит, растет (о тесте)’, которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу. Это существо **живет** (ср. лексемы

ži-v-e-tb, *za-ži-v-e-tb*, *vy-ži-v-e-tb* – севернорусские диалекты), **движется** (ср. лексемы *xod-e-tb*, *xod-i-tb*, *podъ-xod-i-tb*, *vъzъ-xod-i-tb*, *vy-xod-i-tb do-xod-i-tb*, *vъzъ-xod-j-e-tb*, *vъzъ-xad-j-i-tb*, *podъ-xod-j-i-tb*, *vy-xad-j-i-va-je-tb* и др. – восточнославянские, словенские и частично чешские диалекты; или *vъzъ-jbd-e-tb*, *podъ-jbd-e-tb*, *nadъ-jbd-e-tb* и др. – македонские, частично южнорусские, болгарские и сербские диалекты; *dvig-a-je-tb se*, *orz-dvig-ne-tb se*, *dviž-e-tb se*, *na-dviž-e-tb se* и др. – лужицкие, хорватские и словенские диалекты), **растет** (ср. лексемы *orst-e-tb*, *orst-ne-tb*, *na-orst-a-je-tb*, *pod-orst-a-je-tb* и др. – польские, западноукраинские, сербские и македонские диалекты) и даже **работает** (ср. *orb-i-tb* и др. – кашубские диалекты). Наконец, об этом же говорит и распространенное практически во всех славянских диалектах название зернового хлеба – *žito*, во внутренней форме которого реализуется идея жизни.

Различия в мотивационных признаках, а значит и в культурологическом осмыслении демонстрирует и к. 55 'счастье' (ОЛА 10), материалы которой говорят о том, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*sъ-čest-bj-e*, *dol-j-a*), у лужичан – это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *sъ-bož-bj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречаей (*sъ-ręt-j-a*, *sъ-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысляется как предначертанный человеку свыше путь» (Славянские древности 5: 203).

Случайная непредвиденная встреча рассматривается в народе как знак, влияющий на дальнейший ход событий в жизни человека, ...как знак некой высшей силы, которая наделяет человека счастьем. Первоначально этот знак соотносился с неожиданным приобретением «счастья», «удачи», «счастливой доли». По сербским поверьям счастье можно обрести, только встретив его (ср. сербскую поговорку: «Срећу ако не сретнеш, нећеш је стићи» 'Счастье не обретешь, если не встретишь его') Плотникова 2013: 218.

Интересное противопоставление мотивационных признаков, свидетельствующих о социальном статусе замужней женщины, просматривается и на к. 52 'выходит замуж' (ОЛА 10) у большинства славян женщина выступает как пассивное лицо, ибо она идет «за мужа» (*vy-xod-i-tb za mōž-b*, *za mōž-a*, *vъ za mōž-b*) или отдается ему в жены (*vy-da-j-e-tb <se>*, *vy-da-v-a-j-e-tb <se>*), вместе с тем у некоторых южных и западных славян она выступает как активное лицо, приобретающее иной статус, ибо она *žen-i-tb <se>*, *ob-žen-i-tb <se>*, *mōž-i-tb <se>*, *o-mōž-i-tb <se>*, *rōč-i-tb <se>*, *rōk-u-j-e-tb <se>* и т.д.

Анализ мотивационных признаков является чрезвычайно важным не только для культурологической, но и для хронологической стратификации представленных на карте названий, ибо, согласно культурной морфологии, в истории языка любой культуры существуют довольно устойчивые

«прозрачные модели мотивации», в соответствии с которыми условно можно выделить «три отдельных слоя: слой, поддающийся самой легкой идентификации и датировке, принадлежит истории, а именно христианству и исламу. В доисторическую эпоху можно различить два слоя: один характеризуется «сверхъестественными, сверхчеловеческими» языческими персонажами, а второй уже без антропоморфизма, еще более ранними зооморфными образами и представлениями о родстве» (Фирек 2003: 32). В отличие от «немой» археологической стратификации, эта культурно-историческая стратификация является «говорящей», ибо на лингвистических картах Атласа все эти культурные слои до сих пор остаются «живыми» (см., например, карту 'божья коровка' т. 1 «Животный мир», на которой «сосуществуют» в пространстве и во времени названия, относящиеся ко всем трем культурно-историческим слоям – **христианскому**, ср.: *bož-vj-a* *koŕv-čk-a*, *bož-vj-č vol-čk-č* или по именам святых: *katarin-čk-a*, *marg-et-ic-a*, *an-č-ica*, *elen-čk-a bož-vj-a*, *ivan-č-ik-č*, *ivaš-čk-a*, *petr-ik-č* и т.д.; следует отметить, что этот мотивационный признак является чрезвычайно значимым для представителей разных культур, ибо он встречается и в других европейских языках, ср. англ. *lady-cow* или *cow-lady* 'корова Богородицы', *lady-bug* 'жук Богородицы', франц. *vache a Dieu* 'божья коровка', итал. *vacheta de la Madyna* 'коровка Мадонны', исп. *buey de Dios* 'божий вол', нем. *Marienkäfer* 'жук Марии', бретон. *elik doue* 'божий ангелок', швед. *Jesu vallflicka* 'пастух Иесуса' и т.д. (подробнее см. Фирек 2003: 33, Донадзе 2004: 108); и **языческому** – антропоморфному, ср.: *ne-vest-a*, *ne-vest-ica*, *pan-čn-a*, *pan-čn-čka*, *sir-ot-čka*, *rod-in-čk-a*, *mat-in-čk-a*, *bab-a*, *malžen-čk-a*, *god-un-čk-a*, *vorž-čk-a* и др.; и зооморфному, ср. *ov-č-ic-a*, *ov-č-čk-a*, *vol-č*, *vol-ik-č*, *baran-č*, *koz-ar-čk-a* и др.).

Следует отметить, что культурологическая информация существует на картах Атласа чаще всего в латентном, непроявленном состоянии, а потому нуждается в своей экспликации, однако выявить ее можно с помощью методов лингвистического и лингвогеографического анализа. При этом ключом к декодированию культурно-исторических смыслов могут служить метафорические номинации, в которых нередко сохраняются следы мифологических воззрений славян на природу (в этом отношении чрезвычайно ценный материал содержат первые три тома Атласа «Животный мир», «Животноводство» и «Растительный мир»).

Так, например, если обратиться к лексико-словообразовательному тому Атласа *Животный мир*, то этнолингвистическую информацию можно извлечь из таких карт Атласа, как 'белка' (см., например, лексемы *kat-er-ic-a*, *kat-er-ič-čk-a*, в которых отразилась женская символика белки), 'ласка' (лексема *nevest-a* и ее производные, в которых сохранилась брачная

символика ласки), 'головастик' (лексемы с корнем *kaluger-* и *pop-*, отражающие метафорическую антропоморфизацию, поскольку в языковом сознании носителей диалектов подвижные объекты внешнего мира очень легко персонифицируются), то же можно отнести к карте 'светлячок' (лексемы *ioan-ič-ькѣ*, *ioan-oš-ikѣ*), к картам 'кузнечик' и 'стрекоза' (лексемы с корнем *konj-*, *kobyl-*, отражающие существующую во многих славянских фольклорных традициях символическую связь насекомых со скотом (Гура 1997: 501) и ко многим другим лексическим картам Атласа.

Говоря о синхронно-типологической направленности лексико-словообразовательной серии Атласа, являющейся одной из его задач, следует особо подчеркнуть тот факт, что карты этой серии имеют существенное предпочтение перед любым диалектным или сравнительно-историческим исследованием монографического характера, поскольку они позволяют сразу увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы на территории Славии. В этом смысле на карте как бы в конденсированном виде отражен фрагмент славянской языковой картины мира. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально ощутить своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности.

Так, например, на к. 1 'небольшой сельский населенный пункт' (ОЛА 8) отражена целая история освоения и получения сельскохозяйственных угодий славянами. На карте четко очерченные ареалы имеют лексемы с корнем **sel-** (*sel-o*, *sel-ьс-е*, *sel-išč-е*, *po-sel-ьк-ѳ*) – восточно- и южнославянские диалекты, **vъs-** (*vъs-ь*, *vъs-ьк-а*, *vъs-ьн-ic-а*) – словенские, лужицкие, польские, белорусские, отдельные русские диалекты, **dъrv-** (*dъrv-ьн-j-а*) – русские и белорусские диалекты, **děd-** (*děd-in-а*) – чешские и словацкие диалекты. Как показал в своем исследовании проф. П. Жиго (Жиго 2011: 52), все они передают разные способы сельскохозяйственного освоения земли славянами. Лексема *děd-in-а* употреблялась для обозначения *задруги* 'совместного владения землей несколькими семьями, у которых был общий предок', т.е. землю получала, культивировала и обрабатывала одна патриархальная семья, при этом слово *dědina* обозначало не просто территорию заселения, но именно такое владение, которым изначально владел самый старший в роду, т.е. *děd*. К этой же семантической группе относится и слово *sel-o*. Изначально этим словом называли 'пашню', 'вспаханное поле' или же деятельность, связанную с обработкой земли, т.е. саму 'вспашку, пахоту'. Западнославянский вариант этого слова, в котором сохранилась группа *-dl-* (т.е. слово *sedl-o* < **sed-*), первоначально обозначал 'заселенное место, дворы', 'поле, земля'. Словом *vъs-ь* назывался населенный пункт, в котором

жили люди, принадлежащие к одному роду. В слове *ďbrv-ъn-j-a* передан способ обработки, получения сельскохозяйственных угодий. Первоначально это слово обозначало 'пашню', 'вспаханное поле', устар. 'вспашку, пахоту'. Позднее значение слова расширилось, и оно стало обозначать прилегающие хозяйственные постройки и далее все поселение вместе с земельным наделом. Таким образом, перед нами предстает своеобразная история освоения и присвоения пахотных земель славянами, каждый этап которой получает свое наименование, т.е. эта карта являет собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей реконструировать «живую старину» славян.

Материалы *Общеславянского лингвистического атласа* убедительно говорят о том, что

носители славянских территориальных диалектов хранят еще огромные, во многом неизвестные науке богатства древней славянской духовной культуры. И лингвистические методы могут быть с успехом применены к ее исследованию. Общий географический ландшафт нынешней (или недавней) славянской духовной культуры может быть прочитан как диахрония, развернутая в пространстве, как определенная историческая последовательность, которая может быть установлена путем анализа разных архаических элементов культуры в разных славянских диалектных зонах (Толстой 1999: 38).

Библиография

- Гура Александр В., 1997, Символика животных в славянской народной традиции, Москва.
- Донадзе Наталия З., 2004, Новые перспективы в лингвогеографии – Лингвистический атлас Европы, *Общеславянский лингвистический атлас, Материалы и исследования 2001–2002*, Москва.
- Жиго Павол, 2011, *Общеславянский лингвистический атлас – взаимосвязь языка и общественно-исторических феноменов с позиций ареальной лингвистики*, *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, Москва.
- Кармин Анатолий С., 1997, Основы культурологии. Мифология культуры, Санкт-Петербург.
- ОЛА 1 – *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 1, Животный мир*, ред. Рубен И. Аванесов, Москва 1988.
- ОЛА 2 – *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 2, Животноводство*, ред. Jan Basara и др., Warszawa 2000.
- ОЛА 3 – *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 3, Растительный мир*, ред. Аляксандр І. Падлужны, Мінск 2000.
- ОЛА 4 – *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 4: Сельское хозяйство*, ред. Adriana Ferencíková et al., Bratislava 2012.

- ОЛА 6 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 6: Домашнее хозяйство и приготовление пищи, ред. Татьяна И. Вендина, Москва 2007.
- ОЛА 8 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 8: Профессии и общественная жизнь / *Ogólnosłowiański atlas językowy. Seria leksykalno-słowotwórcza*, t. 8: Zawody i życie społeczne, red. Jan Basara, Janusz Siatkowski, Anna Basara, Warszawa 2003.
- ОЛА 10 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, т. 10: Народные обычаи, ред. Татьяна И. Вендина, Москва 2015.
- Плотникова Анна А., 2013, Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки, Москва.
- Славянские древности, т. 1–5. Москва.
- Толстой Никита И., 1995, Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике, Москва.
- Толстой Никита И., 1999, Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры [в:] Никита И. Толстой, Избранные труды, т. III, Москва.
- Фирек Вольфганг [Fierek Wolfgang], 2003, Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры, „Вопросы языкознания” № 5.
- Шапошников Александр К., 2010, Этимологический словарь современного русского языка, т. 1–2, Москва.
- Skok ERHJ – Petar Skok, Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. I–IV, 1971–1974, Zagreb.

Streszczenie

Artykuł dotyczy *Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego*, którego materiały umożliwiają rozszerzenie okresu badań, wejście na poziom dialektologii kulturowo-językowej w celu rekonstrukcji „żywych starożytności / dziejów” słowiańskich.